

«Наши гости»

— В РАННЕЙ юности я подружился с Леоном Тоомом...

Так начал свой рассказ народный артист РСФСР Зиновий Ефимович Гердт. В этот свой приезд в Таллин он выступил с творческими вечерами в клубы и на предпринятиях; приезд был далеко не первым: в Таллине Зиновий Гердт бывал на съемках («Город мастеров», «Автомобиль, скрипка и собака Клякса»). Когда театр «Современник» показывал у нас спектакль по роману Энны Ветемаа «Монумент», роль Тоонельта исполнял Зиновий Гердт. Оказалось, что первое соприкосновение артиста с Эстонией уходит в еще более далекое прошлое.

— Мы вместе играли в «Арбузовской студии», — продолжал Гердт, — Леон был одним из самых близких моих друзей. Как Сена Багрицкий, сын замечательного поэта Эдуарда Багрицкого, и сам талантливый поэт (он погиб на войне, совсем еще юным), как Максим Селескериди (Греко), Лидия Тоом, мать Леона, переводила на русский язык книги эстонских писателей, потом и сам Леон стал одним из лучших переводчиков эстонской литературы. Он, кстати, перевел и «Монумент». Позже я очень сблизился с живущим сейчас в Пярну Давидом Самойловым.

— Но вернемся к Вашей юности. Недавно в журнале «Крокодил» было опубликовано Ваше интервью. Вы вспоминали, что было близко знакомы с Всеволодом Мейерхольдом. Какое влияние оказал он на Вас?

— Огромное! Если говорить о потрясении театром, то первое и самое сильное потрясение я пережил на представлении «Пиковой дамы», поставленной Мейерхольдом в Ленинградском Малом оперном театре. Это было, кажется, в 1935 году. Ленинградцы привезли «Пи-

ковую даму» в Москву. Когда занавес опустился, зал разразился овацией. Тогда скандировать еще не умели, просто зрители хлопали и кричали: «Браво, Мейерхольд! Мейерхольд — великие драматические откры-

тия. Не зря же люди говорят: «Новое — это хорошо забытое старое».

— Ваш путь как актера начинался в «Арбузовской студии». Это был на редкость спаянный коллектив единомышленников. Спектакль «Город на заре», о строителе Комсомольска-на-Амуре, родился как плод коллективного творчества студийцев. Мыслимы ли в настоящее время такие театральные организмы?

— Не только мыслимы, но и существуют. Все зависит от личности лидера. Любый театр — это личность плюс некоторое количество единомышленников. Если единомыслие кончается, остаются какие-то его приметы. Если лидер уходит или застывает в самодовольстве, театр мертвоет. Остается старая слава, остаются названия в репертуаре, а живого искусства больше нет. Даже, если есть блестящая форма.

К ОТМЕТКЕ, НАЗЫВАЕМОЙ «ИСКУССТВО»

• Беседа с народным артистом РСФСР Зиновием Гердтом •

ний!» И сам Мейерхольд тихо повторял про себя: «Браво, Мейерхольд! Браво, Мейерхольд!». Наверно, это было похоже на пушкинское — после «Бориса Годунова» — «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!» Вероятно, не так часто Мейерхольд был настолько доволен своей работой, но в этот вечер он имел полное право говорить так.

Если речь идет о реформе в области театрального искусства, то Мейерхольд успел сделать ВСЕ. Все, что делают сегодняшние новаторы. Поверьте, я отношусь к ним безо всякого предубеждения, но все их открытия уже встречались у Мейерхольда.

И структура сегодняшнего режиссерского театра сложилась тоже у него. В театре Мейерхольда было много выдающихся актеров: Ильинский, Свердлов, Габрин, Миртинсон, Тяпкина...

Для меня, честно говоря, самое дорогое то, что я жду от театра, это — то, что воздействует на мои «спинные мурашки». Если мурашки пробегают по спине, если я потрясен, тронут, если мне хочется плакать или возмущаться, значит, я соприкоснулся с искусством. Все остальное не имеет значения. Значима только судьба людей в современном мире, только работа души человека.

— Каким из Ваших работ в кино стали для Вас раскрытием судеб людей в мире, движений их души?

— Я буду откровенен: считаю, что таких достижений у меня нет. Есть работы, в которых я в какой-то степени приближаюсь к высокой отметке, называемой «искусство». Нет, я неточно выразился: не приближаюсь, но хотя бы двигаюсь в том направлении. Это фильм «Фокусник», снятый семнадцать лет назад, но до сих пор очень дорогой для меня. Это телефильм «Кузен Понс» по Балзаку, в кото-

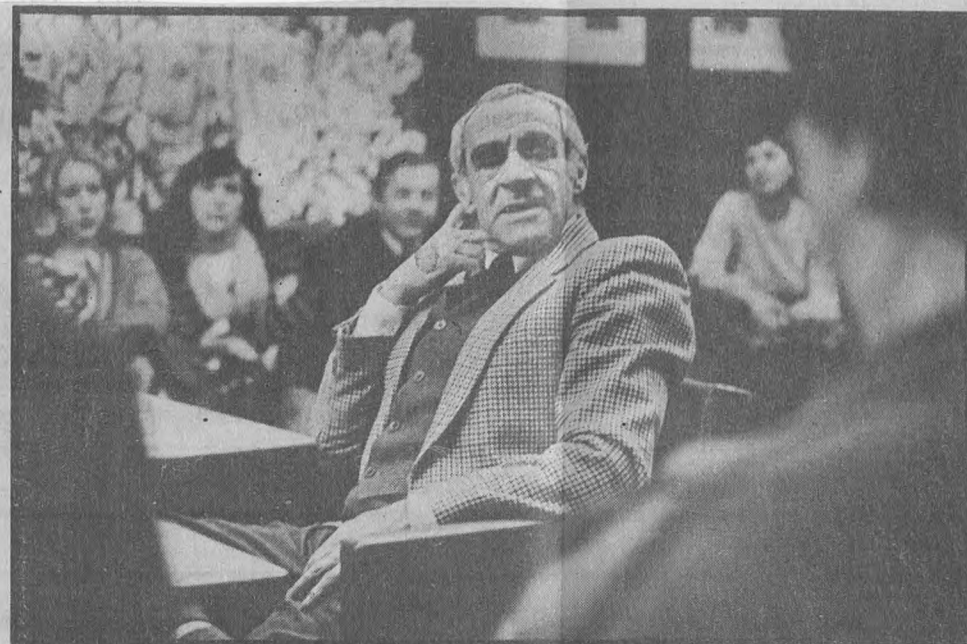

Фото Дмитрия Пранца.

ром мне довелось сыграть трагическую роль.

Недавно мы с Михаилом Казаковым сыграли на учебной программе Центрального телевидения то, к чему я стремился много лет: отрывки из «Фауста», сцену сделки Фауста с Мефистофелем. Это большая сцена, она идет пятьдесят пять минут. Полагаю, что какое-то прикосновение к ИСТИННОМУ здесь у меня случилось.

На учебной программе ТВ я читал и два рассказа Бабеля — «Король» и «Как это делалось в Одессе». Я с семнадцати лет восхищаюсь этим писателем, так что специально учить текст не потребовалось. Все это давно сидит во мне.

Повторяю: достижений нет. Есть только устремления. А может, так оно и нужно. Ведь как только я сочту какую-то свою работу достижением, я застыну в неподвижности, кончусь как профессионал. Помните слова Фауста:

Тогда вступает в силу наша сделка.

Тогда ты волен — я забавлен.

Тогда пусть станет часовой стрелка.

По мне раздастся похоронный звон.

...Я пытался сделать «Фауста» в кукольном театре. Могло бы здорово получиться. Именно в кукольном театре. Увы — не состоялось...

— После ухода из Центрального театра кукол Вы играете только в кино и на телевидении?

— Да, уже два с половиной года.

— Роль Тоонельта в «Современнике» — единственная Ваша работа последних лет в драматическом театре?

— Пока да. Может быть, появятся и другие. Это страшно предсказать, не дай бог, не состоится, но я мечтаю сыграть Воюнда в инсценировке «Мастера и Маргариты». И есть режиссер, который мечтает об этом.

Беседу вел
БОРИС ТУХ.